
СПЕЦИАЛИСТЫ В УСЛОВИЯХ МНОГОСЕКТОРНОЙ ЭКОНОМИКИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ (1)

З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян

Институт социологии РАН

ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117259

В статье рассматриваются поведение и ценностные ориентации специалистов как особой (и при этом количественно представительной) группы современного российского общества. Дается подробная характеристика объективно-статусных и субъективно-диспозиционных координат данной группы (материального положения, уровня доходов, условий жизни, трудовой мотивации, отношения к экономическим и политическим институтам). Выводы авторов базируются на новейших статистических материалах и результатах эмпирических социологических исследований.

Социальную структуру современного российского общества нельзя рассматривать как устойчивое явление. Продолжаются радикальные изменения в отношениях собственности, распределения, общественной организации труда, меняются тенденции и направленность социальной мобильности. Реформы 90-х годов XX века качественно изменили социально-структурные и другие отношения, крайне обострив и углубив имущественную дифференциацию, поляризовав политические интересы и предпочтения социальных групп. На смену государственной экономике пришла многосекторная с широким спектром форм — государственной, частной, муниципальной, арендной, акционерной, смешанной и т.д.

На уровне социально-экономических трансформаций происходит становление новых экономических классов, качественные изменения прежних групп, слоев, их социальных параметров. Особый интерес в этом отношении представляет такая категория, как специалисты. В данной статье, определяя статусные характеристики этой социальной группы, мы имеем в виду следующие признаки:

— эта группа входит в состав более широкого понятия — «наемные работники» государственного или частного секторов экономики;

— эта группа является частью того социального среза общества, который традиционно именуется «профессионалы», люди преимущественно умственного труда [3; 4];

— эта группа включает в себя работников специальной подготовки, высшей или средней квалификации;

— в эту группу входят работники исполнительского труда, не включенные в сферу управления.

Одним словом, объектом нашего изучения является достаточно представительная (прежде всего в количественном отношении) группа лиц, занятых высоко- или среднеквалифицированным исполнительским трудом в различных секторах экономики. Именно этих работников мы определяем как специалистов.

Все вышеперечисленное характеризует группу специалистов как достаточно многослойную и противоречивую социально-экономическую и политико-куль-

турную общность, которая с развитием рыночных отношений, с одной стороны, утрачивает свою дорыночную специфику, рационализируется, с другой, — превращаясь в своей массе в наемных работников государственного или частного секторов, приобретает соответствующую систему ценностей.

В рамках данной статьи мы предполагаем решить следующие задачи:

— изучить группу специалистов, занятых в различных секторах экономики — государственном или частном, что, по нашему мнению, неизбежно должно выявить различия между ними;

— выявить основные проблемы социально-трудовой мобильности изучаемых подгрупп специалистов, их потенциальных и реальных возможностей;

— проанализировать степень их социальной защищенности (равенство-неравенство, справедливость-несправедливость, свобода-несвобода) и векторов ее развития в современных условиях [5];

— на основе состояния и перспектив развития группы специалистов обосновать возможность или отсутствие таковой стать одним из существенных источников формирования среднего класса.

Информационной базой изучаемых проблем послужили следующие источники:

— материалы Росстата, полученные органами государственной статистики при проведении выборочных обследований населения по проблемам занятости, безработицы и напряженности на рынке труда;

— данные Всероссийского исследования по проекту «Стратификация российского общества (2004—2005 гг.) В исследовании была применена многоступенчатая территориальная стратифицированная выборка с применением квотного отбора. Объем выборки 15 200 интервью по основным социальным параметрам: социальный статус и сектор занятости. На основе этого были выделены две анализируемые подгруппы: специалисты государственного сектора и специалисты частного сектора ($N = 977$ и $N = 598$).

Сначала остановимся на объективных статистических показателях, характеризующих объект нашего анализа (специалисты высшего и среднего уровня квалификации). В мае 2007 года эта категория составила среди всего населения Российской Федерации 32,6% (в мае 2003 года — 30,5%) [1. С. 54; 2. С. 120]. Как мы видим, рост хоть и незначительный, все же наблюдается: за четыре года увеличение составило два процентных пункта. Что касается востребованности специалистов в обществе, то за последние годы она также растет. Об этом мы можем судить по следующим показателям. Во-первых, значительно сократилась доля безработных среди специалистов (по последнему месту работы с 8,4% в 2003 году до 4,4% в 2007 году) [1. С. 94]; во-вторых, увеличилось количество, имеющих дополнительную занятость (со 140 000 до 250 000 человек) [1. С. 59].

Заметные социальные трансформации происходят в среде специалистов в связи с плюрализацией форм собственности. Определенная часть представителей данной социальной группы порывает с привычной средой и переходит в организации и предприятия негосударственных форм собственности. Это становится

ся возможным в связи с постоянным ростом численности занятых в указанных секторах. Так, если в 2000 году в государственном и муниципальном секторе было занято 37,8%, то в 2006 году 33,1% от общей численности занятых, в частном, соответственно: 46,1% и 55,4% [7]. Таков в самых общих чертах социально-статистический фон исследуемых нами процессов.

Перейдем к конкретному анализу данных социологического исследования.

Возрастные характеристики респондентов. Традиционно считается, что частный сектор наиболее привлекателен для молодых возрастов — энергичных, активных, деятельных [6. С. 13]. Наше исследование подтверждает эту тенденцию. Так, доля респондентов в возрасте от 18 до 44 лет, занятых в частном секторе, составила около 70%. В государственном секторе, напротив, преобладает старшая возрастная подгруппа (от 45 лет и выше).

Отраслевая специфика респондентов. Если говорить о распределении опрошенных по сектору занятости и по отраслям экономики, то можно выделить следующие тенденции. Значительная доля опрошенных в частном секторе занята в строительстве (в 5 раз больше, чем в государственном); на транспорте (в 1,3 раза), в финансах (в 1,5 раза), в торговле (в 6,5 раза), в сфере туризма и в гостиничном бизнесе (в 2 раза), в бытовом обслуживании (в 4 раза), в средствах массовой информации (в 4,5 раза). Доля занятых в промышленности примерно одинакова. Респонденты государственного сектора в большей степени заняты в образовании, науке, в культуре и здравоохранении (примерно в 2—3 раза). Иначе говоря, появление и укрепление частного сектора самым непосредственным образом связано с действием рыночных институтов, которые в наибольшей степени представлены в торговле, общественном питании и иных, отмеченных нами отраслях народного хозяйства.

Образовательная мобильность респондентов. Поскольку в группу специалистов включены респонденты, имеющие среднее специальное и высшее образование, то мы оценивали состояние постспециального базового образования. Оказалось, что второе профессиональное образование получила примерно треть опрошенных в обоих секторах, здесь различий не наблюдается. Они проявляются при анализе видов полученного второго образования. Если в государственном секторе — это в основном курсы повышения квалификации, то в частном — в большей степени — второе среднее специальное и высшее образование. Это можно объяснить главным образом тем, что первый вид постдипломного образования не требует дополнительного финансирования, в то время как и второе среднее, и второе высшее бесплатно не предоставляются. А о том, что занятые в частном секторе имели возможность оплатить свое образование, в том числе и базовое, говорит тот факт, что платное образование здесь получили в 1,5 раза больше опрошенных, чем в государственном.

Достаточно дифференцирующим в данном случае выступает фактор *межгенерационной образовательной мобильности*. Рассмотрим его в векторе «родители — сам респондент — его дети». Данные исследования убедительно свидетельствуют о следующих тенденциях. Во-первых, доля родителей, имеющих более низкий уровень образования (неполное среднее, среднее, профессионально-тех-

ническое) выше у занятых в государственном секторе (у матерей — в 1,5 раза, у отцов — в 1,3 раза). Во-вторых, доля родителей с высоким уровнем образования (незаконченное высшее, высшее) больше у респондентов частного сектора (соответственно — в 1,6 и 1,7 раза). В-третьих, ориентация на получение платного образования (для детей респондентов) также более характерна для занятых в частном секторе. Категорично «без проблем» ответили в 1,7 раза больше, а «нет, не можем» — в 1,4 раза меньше.

Можем ли мы сделать вывод о том, что частный сектор создает новые финансовые возможности для образовательной мобильности или здесь присутствует определенная инерционная сила — сюда пришли работники из достаточно высокого образовательного «круга» (как об этом свидетельствуют наши данные)? Во всяком случае, анализ других сфер жизнедеятельности опрошенных поможет дать более адекватный ответ.

Занятость, труд и трудовая мотивация. Трансформационные процессы в стране привели не просто к радикальным изменениям в формах собственности, о которых мы говорили выше, но и в самой системе хозяйствования: они обусловили институциональные «подвижки» в сфере труда, в появлении новых видов занятости, изменили мотивационные характеристики трудовой занятости, одним словом, сформировали особые модели социально-трудового поведения. Это говорит прежде всего о том, что положение респондентов в переплетении сложных социальных, в том числе, производственных, связей формирует самые различные виды отношений с социальной средой, с системой существующих ценностей, с новыми правилами трудовых взаимодействий. Приспособиться к ним — значит успешно или неуспешно применить свой личностный ресурс, идентифицироваться с этой средой, адаптироваться к создавшимся условиям. Становление многообразных форм собственности в значительной степени увеличило значимость самой выполняемой работы. Конкурентоспособность на рынке труда потребовала от работника, в каком бы секторе экономики он ни трудился, качественного изменения мотивации трудовой деятельности, понимания того, что не труд вообще, а данный конкретный, является основным смыслообразующим элементом человеческой жизнедеятельности. Что мне лично дает моя профессия, моя работа, способствует ли увеличение (любое ли?) трудовых усилий материальному вознаграждению? Как изменения и даже потрясения в этой сфере помогут мне «удержаться на плаву», избежать безработицы, социального пессимизма, снижения уровня жизни и других негативных последствий? Очень много драматических проблем встает перед работником.

Рассмотрим прежде всего как оценивают опрошенные престижность профессии, в которой они работают в настоящее время. Определяя эту позицию по десятибалльной шкале (от «совсем не престижна» до «очень престижна»), занятые в частном секторе оценили ее значительно выше (примерно в 1,5 раза выше). Рассматриваемая характеристика прозвучала бы несколько абстрактно, если бы мы не учитывали ее во взаимосвязи с иными социальными установками в сфере трудовой деятельности, например, такими, как ее перспективность (возможность

карьерного роста) и степень боязни остаться без работы в случае ее потери (речь идет о проективной ситуации закрытия предприятия, на котором они работают). В первом случае (перспективность работы) занятые в частном секторе оценивают эти перспективы достаточно оптимистично. Так, доля тех, кто полагает, что у него велика возможность служебного продвижения, здесь составляет почти 60% (против 50 % в государственном), у тех, кто фактически не рассчитывает на успех в этом отношении соответственно: 17,1 и 23,3%. В то же время доля тех, кто полагает, что он уже достиг высокого служебного уровня и не помышляет о дальнейшем служебном росте, выше у занятых в государственном секторе — в 1,5 раза. Но этот факт, по нашему мнению, свидетельствует, с одной стороны, о доминировании среди занятых в государственном секторе старших возрастов, которые уже исчерпали свои карьерные ресурсы. С другой — они реально оценивают возможности социальных перспектив в тех организациях, в которых трудятся.

Во втором случае (риск остаться без работы) считают, что легко могут найти работу 35% занятых в частном секторе и 25,7% занятых в государственном. Соответственно — 12,0 и 17,6% планируют долго ее искать, а не надеются найти новую — 4,7 и 8,8%. Более того, утверждают, что в настоящее время у них много предложений: 6% занятых в частном секторе и 3% занятых в государственном. Данные свидетельствуют также и о том, что занятые в частном секторе более потенциально мобильны. Несмотря на кажущуюся социальную устойчивость (по сравнению с занятыми в государственном), они достаточно ориентированы на смену места работы («если предложат что-либо более интересное»). Таких здесь 21% среди опрошенных, а в государственном — почти в 2 раза меньше.

Таким образом, если уровень безработицы в России за последние 5 лет неуклонно снижается (с 7,7% в 2002 г. до 5,9% — в 2007 г.) [2. С. 187; 1. С. 70], то совершенно очевидно, что на этот процесс влияет состояние рынка труда, динамика его развития. А это — и изменение соотношения спроса и предложения на рабочую силу, и качество информации об имеющихся вакансиях (вероятность найти работу в случае ее потери), и качество самого работника, мотивационные начала его трудовой деятельности, и социально-пространственное расширение негосударственных секторов экономики.

Трудовая мотивация — достаточно сложная и комплексная социальная категория. Здесь очень много уровней зависимостей, в том числе и генетических — сформированный или формирующийся комплекс потребностей, содержание и условия труда, качество жизни, психологические установки. Здесь наслаиваются и такие факторы, как социокультурное окружение, регион проживания, место жительства (город — село) и т.д. Все предложенные респондентам альтернативы мы сгруппировали в следующие виды потребностей: *ресурсные* (воспроизводство своего собственного социального ресурса или ресурса семьи); *престижные* (возможность достичь успеха в будущем); *духовные* (возможность самовыражения); *социальные* (возможность общения с коллегами по работе). Распределение видов потребностей получилось следующее (табл. 1).

Таблица 1

Распределение опрошенных по секторам занятости и по видам потребностей (%)

Виды потребностей	Сектор экономики	
	государственный	частный
Ресурсные	62	70
Престижные	5,5	6
Духовные	24	18,5
Социальные	8,5	5,5

При всей схожести позиций занятых в различных секторах экономики обращают на себя внимание следующие отличия. Во-первых, для занятых в частном секторе приоритетом являются ресурсные потребности. Иначе говоря, экономические факторы, они же ресурсные, в высокой степени здесь актуализированы. Во-вторых, потребности, связанные с групповой интегрированностью, с ориентацией работника на совместные действия, сопереживания, сотрудничество, в большей степени свойственны занятым в государственном секторе.

Материальное положение, уровень дохода и условия жизни. Как мы отметили, доминирующим видом трудовой мотивации является ориентация, связанная с воспроизводством ресурсной стороны жизнедеятельности, прежде всего оплата труда работника. Для рыночной экономики естественно существование различных уровней доходов, источников их поступления, структуры расходов, разных объемов накопленного семьей имущества и других характеристик материального благосостояния. С началом экономических реформ происходят фундаментальные изменения в механизмах дифференциации материального положения отдельных групп населения и социального расслоения. В настоящий период данный фактор приобретает особое значение, когда речь идет о формировании среднего класса в России. Одной из существенных характеристик этого процесса является как раз становление социальной группы со средними, медианными доходами, когда эта группа начинает составлять количественно значимую общность. Еще раз хотим отметить, что это, хотя и не единственный признак, но весьма принципиальный.

Материалы исследования позволили выделить различные доходные группы среди специалистов, занятых в государственном и частном секторах экономики. *Бедные* («нам не хватает денег даже на еду», «покупка одежды для нас — серьезная проблема», «трудно купить холодильник или стиральную машину»), *среднеобеспеченные* («на еду и одежду денег хватает, но не можем купить новую машину»); *обеспеченные* («можем купить все, кроме дачи или квартиры»); *богатые* («не испытываем никаких финансовых затруднений»).

Так вот, группа бедных, уровень потребления которых характеризуется возможностью приобретать лишь самые необходимые продукты питания, товары повседневного спроса, составила 71% специалистов государственного сектора и 54% частного. Группа среднеобеспеченных соответственно: 22,0% и 31,8%; группа состоятельных — 3,5% и 9,9%; группа обеспеченных — 0,6% и 1,5%.

Вывод мы можем сделать только один. Группа, в составе которой бедные представляют не просто значительную, а подавляющую часть (особенно это ка-

сается занятых в государственном секторе) в настоящее время не может быть резервом для среднего класса вне зависимости от того, к какой форме собственности принадлежит предприятие или организация, где трудится работник. Речь идет, безусловно, о группе специалистов, рассматриваемой как единый гомогенный организм. В то же время, оценивая свое материальное положение в ретроспективе и в перспективе, респонденты отметили следующее: за последний год у 6,8% занятых в государственном секторе оно значительно улучшилось, в частном — у 14,0%. Рассматривая свое материальное положение гипотетически («как изменится оно через год?»), 30% занятых в государственном секторе и 48% — в частном полагают, что оно улучшится («значительно и незначительно»). Таким образом, частный сектор все же характеризуется более оптимистичными ожиданиями занятых в нем работников.

В то же самое время по направлениям социально-слоевой самоидентификации отнесли себя к среднему слою (средний, выше среднего) более 70% опрошенных в обоих секторах. Можно ли на основании этих данных делать вывод об их принадлежности к среднему классу? На наш взгляд, это было бы крайне некорректно. И вот почему. Действительно, когда совершается переход к качественно новым социально-экономическим и политическим устоям, неизбежно происходят изменения в идентификации личностью своей социальной позиции, места в социальной иерархии. Классовая идентификация, которая в течение многих десятилетий культивировалась в сознании и поведении людей, уступает место индивидуальной, внутригрупповой и внутрислоевой идентичности. Именно поэтому идентификация происходит не на уровне класса, а на уровне слоя, социально образующие основы которого крайне не определены, размыты даже на уровне научного анализа, а уж тем более на уровне бытового сознания. Да и само понятие «класс» в настоящее время не имеет четкого социологического понимания. Это, во-первых. А во-вторых, при соотношении себя со средним слоем или средним классом (как и с любым другим) срабатывает механизм социального усреднения («я — средний работник», «средний служащий», «мое положение не хуже, чем у многих других из моего окружения») и т.д. Поэтому мы хотим еще раз подчеркнуть, что фактор социально-слоевой идентичности может работать только в сочетании с факторами объективного положения личности, группы, слоя, класса. В ином случае происходит трансформация показателей самоидентификации, которая приводит к неадекватности восприятия личностью своего социально-экономического положения.

Специалисты — это та социальная группа, которая и по роду своего статуса, и по уровню образования и профессиональной подготовки, одним словом, по социальной значимости в общественном развитии, априорно должна воспроизводить и реализовывать свой человеческий капитал, который не сводится лишь к повышению материального достатка и финансового положения. Существенным звеном этого воспроизводства является сфера образовательно-культурных потребностей, их возможная трансформация. За последние три месяца кинотеатр, театр, концертные залы и выставки посетила лишь треть опрошенных специалистов как государственного, так и частного секторов. Фактически различий здесь

не наблюдается. Чтение книг и журналов — также непопулярное занятие. Ни одной книги за последние три месяца не прочитали почти 15% опрошенных в государственном секторе и около 20% — в частном. А если учесть, что речь идет в том числе и о профессиональных изданиях, то можно говорить, если не о депрофессионализации определенного количества специалистов, то во всяком случае о недостаточном внимании с их стороны к своему профессиональному росту. Особенно это касается занятых в частном секторе.

В то же время бары, кафе и другие места культурно-развлекательного досуга посетила половина опрошенных частного сектора и треть государственного. Таким образом, определенный «перелив» средств, времени и интереса к проведению своего досуга происходит в среде наиболее интеллектуальной и квалифицированной части нашего общества. Меняется, в самом широком смысле слова, качество жизни — ее трудовая и досуговая составляющие.

Отношение к рыночной экономике и к бизнесу. За последние годы в общественном мнении сложились повышенные социальные ожидания, связанные с деятельностью новых экономических агентов — предпринимателей — и вообще к рыночной ситуации как таковой. На рынке труда предприниматели выступают в качестве покупателей рабочей силы, и, естественно, сам характер их деятельности, ее функции, побудительные, мотивационные начала вызывают самый различный комплекс как позитивных, так и негативных отношений к себе. И здесь надо отметить, что понимание необходимости и неотвратимости перехода к рынку очень четко прослеживается, исходя из ответов на вопрос «нужен ли был России переход к рыночной экономике?» «Нужен» — для 71,3% занятых в государственном секторе и 81,4% — для занятых в частном. И это тем более симптоматично, что специалисты, как мы показали выше, — социальная группа не самых богатых людей в современной России. Более того, свое отношение к рыночной ситуации респонденты соотносят с позитивным отношением к субъектам этих отношений — к самим работодателям, предпринимателям. Правда, это отношение в определенной степени дифференцируется в зависимости от уровня предпринимательской деятельности: малый, средний и крупный бизнес. Если к первым относятся «хорошо» (+ «скорее хорошо») 89% занятых в государственном секторе и 95% занятых в частном, то ко вторым соответственно — 74% и 75,7%. Вероятно, социальные ожидания, связанные с деятельностью крупных компаний («владельцев заводов, газет, пароходов») не совсем себя оправдывают. А каковы все же эти ожидания, с чем, по мнению респондентов, должна быть связана деятельность предпринимателей, на какие цели и задачи направлена? Выделим три приоритета: развитие школьного образования, строительство жилых домов и здравоохранение. Остальные направления (спортивные, развлекательные учреждения, развитие культуры, жилищно-коммунальных служб и другие) не были отмечены респондентами. Различий среди занятых в разных секторах не наблюдается.

Естественно, что каждый опрошенный, включенный в среду социального окружения и ставший частью ее, может судить и судит не только о своей собст-

венной адаптированности к рыночным реалиям, но и адаптации своего круга общения. По мнению занятых в государственном секторе, 65% их знакомых приспособились к рыночным условиям, а, по мнению занятых в частном — еще больше: 73%. Более того, круг общения с людьми, приемлющими рыночную действительность, расширяется за счет тех, кто занимается частным предпринимательством и имеет в целом успешный опыт в этом отношении. Таких у первых среди друзей и знакомых оказалось 38,5% , а у вторых — 50%. Таким образом, социальное поле бизнеса не просто достаточно широкое, но и к тому же успешное. Этот факт отчасти может быть объяснен тем, что он отражает комплексную занятость населения (вторичную и более), активно включенного кроме своей основной работы в другие виды деятельности. Так, хотели бы иметь собственный бизнес («хотел бы», «скорее хотел бы») 37,2% занятых в государственном секторе и 48,3% — в частном. Полагают, что их дети должны иметь собственный бизнес, соответственно — 46,3 и 48,5%. Эти притязания, безусловно, связанные с развитием предпринимательской деятельности, наталкиваются на объективные и субъективные сложности их реализации. Прежде всего (по мнению всех опрошенных), это — отсутствие первоначального капитала — до 60% среди занятых в обоих секторах. Очень сложно оценить объективность/субъективность этого фактора. С одной стороны, финансовый капитал — материализованная часть социального капитала и, если это субстанция отсутствует, то она отсутствует объективно (как говорится, «на нет и суда нет»). С другой, если его личность не формирует самостоятельно, не прилагает к этому определенные и немалые усилия, то его как нет, так и не будет. А это уже сфера субъективных потенциалов. Кроме того (и это действительно объективно), респонденты отмечают отсутствие необходимой поддержки со стороны властей, чиновничий бюрократизм (9,3% и 12,0%), отсутствие нужной информации (6,7 % и 2,75), а также риски обоюбого плана — объективные и субъективные: «боязнь неудачи в бизнесе», «боязнь рэкета и вымогательств» и некоторые другие.

Таким образом, отношение к рынку, к бизнесу со стороны опрошенных обоих секторов экономики носит вполне адекватный характер. Оно проявляется в признании объективной ситуации, связанной с трансформационными процессами, произошедшими в стране, в результате чего качественно изменился социально-экономический потенциал прежних, «советских» классов и групп, их социальных ролей и статусов. Реализуемая новая экономическая политика оказалась связанной с деятельностью новых экономических агентов — собственников (предпринимателей) и наемных работников. Предприниматели становятся во многом образцом экономического поведения, поэтому значительная часть населения, особенно занятая в частном секторе экономики, начинает позитивно оценивать характеристики представителей предпринимательского корпуса, формируются установки на рыночные отношения. Более того, несмотря на сложности экономического положения в стране в целом, респонденты уверены, что стабильность российского общества высока, что никакие социально-политические катаклизмы ему не грозят (ни возврат к социализму, монархии, жесткой диктатуре). Так полагают более 80% среди опрошенных обоих секторов экономики.

Оценка властных отношений и степени своей социальной защищенности. Для каждой группы работников, где бы они ни трудились, характерен определенный уровень самостоятельности в жизни, как и надежды на патерналистское покровительство государства и вообще властных структур. С одной стороны, они, безусловно, принимают нынешние социально-экономические реалии, как неизбежность, с другой, хотят быть уверены в завтрашнем дне. В условиях «заблокированности» гражданского общества, его основных институтов в сознании людей формируется определенная иерархическая властная вертикаль. Субъектами этой конфигурации выступают и государство (в лице Государственной Думы), и сам Президент, и местная администрация, и крупный капитал, и организованная преступность, и сам народ. С точки зрения респондентов, власть в стране олигархическая, почти половина опрошенных обоих секторов так считает. Далее — по нисходящей: власть принадлежит Президенту и Думе (20%) (также в обоих секторах), местной администрации (около 16%), организованной преступности (8,9% среди опрошенных в государственном секторе и 11,2% — в частном), народу (0,5%). Таким образом, опыт народовластия, просто демократии пока еще находится в стадии становления. Как долгие его исторический путь, сказать трудно, ибо на вопрос «Когда наступит достойная жизнь у россиян?» свыше 18% (в обоих секторах) ответили «никогда». Причем «достойная», с точки зрения опрошенных, не просто материально достойная. Речь идет в том числе и о гражданском самоощущении, о том, кто выступает субъектом изменений в обществе в целом, в жизни каждого отдельного человека. Более двух третей опрошенных ответили, что их зависимость от государства велика или значительна. И это не есть проявление исключительно патерналистских ожиданий, низкого уровня самостоятельности. Человек, включенный в любую общественную систему, связан с ней сложными социальными связями и отношениями, партнерскими, основанными на принципах справедливости и равенства или лишенными сотрудничества и взаимопомощи. Поэтому он не может, да и не должен выходить за рамки такого взаимодействия, естественно оставаясь активным, самодостаточным и свободным.

Что вообще означает «свобода» для опрошенных? Является ли это понятие для них абстрактным, не наполненным никаким конкретным содержанием, одним словом, в чем проявляется реальная картина гражданского ощущения: «я — свободный человек?» Респонденты (обоих секторов занятости) выбирают позицию «возможность заниматься любимым делом» (около 55%). Таким образом, на первый план выходит позиция необходимости трудиться. И это прагматизм «в хорошем понимании слова», ибо он включает не просто сам процесс труда, но и профессиональную мобильность работника, эффективность карьерного роста, изменение характера и содержания труда и т.д. Это еще раз говорит о том, что основным смыслообразующим компонентом человеческой жизнедеятельности является труд. Именно поэтому другие позиции, как, например, «возможность получить образование за границей», «возможность не работать», «возможность получать любую информацию» и др. не представительны в суждениях респондентов. Исключение, пожалуй, имеет «возможность разбогатеть» — 13,4% (в го-

сударственном секторе) и 22,1% (в частном). Но, как мы уже отметили, это возможность во многом производна, а не самостоятельна.

Важнейшей проблемой и одновременно условием экономической и социальной адаптации человека к меняющимся условиям жизни является представление о *социальном равенстве* и *общественной справедливости*. Здесь перекрещиваются как бы два начала. С одной стороны, понимание справедливой власти, приоритетом которой должно быть справедливое распределение материальных благ, социального капитала, накопленного прежними поколениями. С другой, рост притязаний к доходам особенно у молодых когорт и у экономически преуспевающих социальных групп формирует особый «менталитет» работника, понимание того, что неизбежна и даже необходима дифференциация доходов в настоящих условиях российского общества, тем более если принимать как данность рыночную ситуацию в стране. Распределение ответов на вопрос «в чем выражаются общественная справедливость и равенство?», достаточно характерно для реалий начала XXI века. Позиция «равное и справедливое распределение материальных благ», получили лишь 10,2% среди занятых в государственном секторе и 8,0% — в частном. Таким образом, можно с достаточной степенью определенности говорить о том, что уравнивательные представления и ценности в контексте формирующегося социального порядка «канули в Лету». На первый план вышло понимание иной парадигмы справедливого государства. Превалирует фактор «равенство всех перед законом» (более 50% среди опрошенных обоих секторов). Это также достаточно симптоматично, ибо высокий уровень бюрократического произвола является тормозом на пути стабильного и законного развития общества. Основой этого движения, по мнению 18% опрошенных, является существование сильной и справедливой власти, которая, в свою очередь, даст свободу каждому отдельному человеку.

Но это лишь одна сторона социального партнерства — «я и власть». Существует и другая, немаловажная — «я и другие». Новый социальный статус классов, групп и слоев меняет круг общения, социальные роли и сам стиль жизни. Это очень сложная и комплексная проблема. По мнению опрошенных (25% среди занятых в государственном секторе и более 20% — в частном), отношения между людьми в настоящее время «напряженные», «враждебные»; «нейтральные», «безразличные» — соответственно: 58% и 61,4% и лишь до 15% опрошенных отметили их как «спокойные», «дружелюбные». Данные достаточно тревожные в том плане, что это — основа общественной социальной напряженности и потенциальной конфликтности. Экономические реформы, лишённые изначально социального целеполагания, неизбежно привели к подобным эффектам, когда конструктивное и деструктивное в обществе подчас становятся фактически равновеликими.

Таким образом, в настоящее время формируется не просто новый социально-экономический, политический и социокультурный фон в современном российском обществе, но и социально-психологический, учитывающий новые, демократические цели — иметь возможность трудиться, максимально проявлять энергию социального действия, соответствовать основным принципам рыночных отношений.

Жизненные ориентиры, страхи и риски. Специалисты, выделенные нами в особую социальную группу, предстают в значительном разнообразии образцов жизненно ориентированного поведения. Выше мы рассмотрели всю гамму трудовых мотивационных начал в их деятельности, теперь рассмотрим их ориентиры в более широком социальном контексте.

Мы выделили следующие основные типы жизненной ориентации. Первый — *стабильный*. К нему относятся те, кто уже самодостаточен, получил то, чего и хотел от жизни, на большее не претендует. Второй — *деятельный*, он отражает стремление индивида испытывать риски, напряженность в своей жизни, для него это состояние естественно, ибо жизнь — непрерывная борьба за существование с неизбежными рисками и их последствиями. Третий — *инновационно-ценностный*. Принадлежащие к нему стремятся к самосовершенствованию, к реализации своих желаний, потенций и способностей в самых различных сферах — трудовой, социально-политической, социокультурной. Четвертый — *прагматичный* («хочу стать богатым»). Пятый — *идеалистический* («хочу жить и работать на пользу своему народу и государству»). Нетрудно заметить, что перечисленные типы отражают реальные потребности. Первый — потребность в выживании, второй — в эмоциональном удовлетворении, третий — в самоутверждении, четвертый — в получении финансового благополучия, пятый — в ощущении альтруизма. Ответы распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Распределение занятых по сектору экономики и по типу жизненных ориентаций (%)

Тип	Сектор экономики	
	государственный	частный
Стабильный	21,1	17,6
Деятельный	29,5	30,4
Инновационно-ценностный	19	20,2
Прагматичный	18,2	27,3
Идеалистический	12,2	4,5
Итого	100	100

Обращает на себя внимание, что при общей схожести позиций занятые в частном секторе все же ориентированы в большей степени на финансовый достаток, в то время как занятые в государственном — на стабильную жизнь. Что касается альтруистических предпочтений, то, хотя этот тип занимает последнее место в ряду жизненных ориентиров и потребностей, у занятых в государственном секторе его доля почти в 3 раза больше. В этом секторе более живучи установки на взаимопомощь, коллективизм, социальное равенство.

Меняются не только социальные ориентиры россиян, в новой реальности трансформируется их социально-психологическое самочувствие. В контексте социальной напряженности, в условиях, когда основной вектор общегосударственного развития направлен не на решение злободневных социальных проблем, подавляющее большинство опрошенных не чувствует себя защищенными в своей стране. Отсюда — страхи, неуверенность в завтрашнем дне и другие факторы, определяющие специфику социально-психологической атмосферы. Больше всего

боятся респонденты болезни и смерти близких родственников (около 40% опрошенных в том и другом секторе). Эти общечеловеческие страхи говорят и о том, что фактор личной жизни, жизни своей семьи больше всего волнует людей, более всего они идентифицируют себя со своими близкими. Семья и вообще родственные связи — та социальная общность, где в основном концентрируются интересы и потребности. Именно поэтому велик страх потери трудоспособности и нищеты, особенно это актуально для занятых в частном секторе (более 10%). С нашей точки зрения, это можно объяснить тем, что именно здесь, несмотря на несомненные социальные плюсы, человек ощущает себя плохо защищенным, зависимым исключительно от своего индивидуально-личностного потенциала, от рыночной конъюнктуры и степени своей адаптации. Велик страх и за своих детей, особенно в случае их асоциального поведения: пьянства, наркотической зависимости (около 9% опрошенных в обоих секторах). И, конечно, страх возможных террористических актов, растущей преступности. Что касается этических моментов («стать безнравственным человеком»), то здесь страхи невелики. Одним словом, ситуация достаточно не простая. Опрошенные обоих секторов занятости остро реагируют на проявления объективной социальной напряженности, существующей в настоящее время в стране, и во многом эти тревоги проявляются если не трагически, то в достаточной степени драматично.

Последний вопрос, на котором мы хотим остановиться, — это социальная характеристика портрета, который, с точки зрения опрошенных, может служить эталоном человеческих качеств. Основными требованиями, которые были предъявлены в этом отношении, послужили следующие показатели: *профессиональный уровень*, в том числе интеллект, компетентность и трудолюбие; *ценностно-мотивационные особенности*: честность, бескорыстие, чуткость, отзывчивость, доброта и некоторые другие качества; *деятельностный потенциал* — воля, энергия; *эстетический ресурс* — внешность, физическая форма. На первый план выходят характеристики профессионализма и трудолюбия, то есть показатели, так или иначе связанные с трудовой деятельностью респондента (около 40% занятых в обоих секторах), на второй — деятельностный потенциал (30%). Качества, связанные с морально-этическими нормами, оценили в общей сложности не более 25%; что касается внешних данных, то доля их весьма незначительна (не более 5%).

Таким образом, как мы видим, на первый план выходят качества, наиболее востребованные в наше время, — профессионализм в самом широком смысле этого слова, инициативность, деловитость, самостоятельность. Человек, к какому бы сектору занятости он ни принадлежал, оценивает себя как бы «со стороны», видит то, что поможет себе, своей семье, родным обрести место в общественной жизни. Часто исповедуются ценности индивидуализма. Интегрирующие — отзывчивость, чуткость, милосердие — явно уходят на второй план. В целом — это проявление достаточно четкой аксиологической модели «постсоветского либерализма».

* * *

Для познания реалий современного российского общества, как бы оно ни называлось, — транзитивное, модернизационное, переходное и т.д. принципиальным является изучение представителей самых различных социальных групп, вы-

явление типологических характеристик этих групп, связей и отношений, формирующего социального пространства их бытия. Когда мы говорим о том, что общество сегодня развивается в векторе социальной стратификации, что в нем появляются новые социальные элементы и субэлементы, то, прежде всего, речь должна идти о формировании активных субъектов социального действия. В то же время все активнее начинают проявлять себя феномены группового и индивидуального сознания, в которых отражаются реально занимаемые этими общностями социальные позиции. Одним из таких субъектов является группа специалистов, социальный статус которой и роль в обществе претерпели и продолжают претерпевать за последние десятилетия качественные изменения. Можно предположить, что изменение сектора занятости качественно меняет и уровень потребления, и спектр ценностных и трудовых ориентаций и вообще качество жизни их носителей. Материалы исследования свидетельствуют о следующем:

— в настоящее время не существует совершенно различных социальных типов личности специалистов, занятых в государственном и частном секторах экономики. Наиболее принципиальные различия связаны с ориентациями занятых в сфере труда (предполагаемая трудовая мобильность, ценностно-трудовые потребности, перспективы карьерного роста, ресурсный потенциал и др.). Именно в этой сфере жизнедеятельности, по-нашему мнению, происходит становление основного вектора трансформации трудовых стимулов. Главным в работе становится ее субъективность, ее ресурсность;

— анализ доходного потенциала опрошенных свидетельствует о том, что в этой сфере различий мало, а если они и есть, то это тот случай, когда количество не переходит в новое качество. Специалисты, занятые в обоих секторах, не представляют собой среднедоходную группу;

— специалисты — это, безусловно, резерв среднего класса в нашей стране, но пока еще не реальная его составляющая. Находятся ли они в «переходной стадии» к нему, и как «пойдет процесс», сказать непросто, ибо последний не может упрочиться сам по себе. Необходимы определенные усилия со стороны сил, которым принадлежит монопольное право выбора стратегии экономического, политического и социального развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 08-03-00139а.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Обследование населения по проблемам занятости. — Май 2007. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2007.
- [2] Обследование населения по проблемам занятости. — Ноябрь 2003. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2003.
- [3] *Попова И.П.* Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. — М.: Наука, 2004.
- [4] Профессиональные группы интеллигенции // Под ред. В.А. Мансурова. — М.: Издательство Института социологии РАН, 2003.

- [5] Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общей ред. М.К. Горшкова. — М., 2007.
- [6] Социальная стратификация современного российского общества. — М., 1995.
- [7] <http://www.gks.ru/free.doc/2007/b07>

SPECIALIS IN MULTISECTOR ECONOMY: FACTORS OF SOCIAL BEHAVIOUR

Z.T. Golenkova, E.D. Igitkhanian

Institute of Sociology with Russian Academy of Science
Krzhizhanovskogo str., 24/35, build. 5, Moscow, Russia, 117259

The article considers the behaviour and values of «specialists» as a particular quantitatively representative group of modern Russian society. It gives a detailed description of their status and disposition dimensions such as wealth, income, living conditions, labour motivation as well as attitudes to economic and social institutions. The authors base their conclusions on the latest statistics and empiric sociological research.